

Елена Гвозденко
Потустороннее. Книга II

Мистические рассказы. Еще страшнее...

Елена Гвозденко

**Потустороннее. Книга II.
Мистические рассказы.
Еще страшнее...**

«Издательские решения»

Гвозденко Е.

Потустороннее. Книга II. Мистические рассказы. Еще страшнее...
/ Е. Гвозденко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503305-5

Любителям классических ужасов. Приоткрой завесу тайн, загляни в мир потустороннего, и ты поймешь: реальность — лишь отражение иного мира. Во второй книге еще больше рассказов, еще больше страха...

ISBN 978-5-00-503305-5

© Гвозденко Е.
© Издательские решения

Содержание

Куда исчез Датычѐ	6
Предостережение	8
Дымка	10
Подарок покойнику	12
Людкина тайна	15
Проклятие шамана	17
Чужое письмо	20
Тайна старой усадьбы	22
Селфи	24
Заброшенное общежитие	26
Рисующий смерть	28
Рассказ Седова	30
Хутор	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Потустороннее. Книга II Мистические рассказы. Еще страшнее...

Елена Гвозденко

© Елена Гвозденко, 2019

ISBN 978-5-0050-3305-5 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-3306-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Куда исчез Датычѐ

Завсегдатая Петровича знала вся больница. Несколько раз в год он ложился, по высшей милости главврача, отъестся больничными супами – кашами, отлежаться на простынях, но главное, выговориться.

«Да ты чѐ», – слышалось из палат, холла, столовой.

«Девки тогда были, да ты чѐ».

«А порции в столовой, да ты чѐ, за раз не выхлебать».

«Картошечка, картошечка родилась, да ты чѐ, шесть штук – ведро!»

Над картинами былого рая посмеивались, звали Петровича Датычѐ, но жалели, подкармливали домашними гостинцами, просили близких принести что-нибудь из одежды.

Датычѐ отработывал сытое проживание, дежурил вместе с санитарками, помогал на кухне, ухаживал за лежачими. Гостинцы, получаемые за мелкие услуги, раздавал одиноким больным.

О жизни Петровича знали мало, да он и не рассказывал. Поговаривали, что была у него когда-то семья: жена и сын. Но еще в эпоху «большой картошки» растворились, исчезли из его жизни. Лет пятнадцать назад сторел дом, оставив старика на улице. Где он пропадал в перерывах между «больничными курортами», не знал никто. Впрочем, и не интересовались.

До ночи своего исчезновения он пробыл в больнице около двух недель. Чисто выбритое лицо налилось сытостью. Его постригли сердобольные медсестрички. Они же снабдили средствами гигиены, и Петрович ходил в душ при любом удобном случае.

– Эх, прописаться бы здесь, – говорил он накануне вечером, расстилая чистое белье на своей кровати.

А утром кровать была пуста...

Поискали по больничным задворкам, привычно отложили обед, а на следующий день поменяли простыни и уложили на кровать нового пациента – капризного молодого человека, беспрерывно жалующегося на тяжесть и покалывания.

О Петровиче вспоминали редко, лишь в шутках, которые почему-то быстро стирались с лица легкой грустью:

– Что с него взять – бродяга.

Утро следующего дня началось со скандала – новенький кричал, что не останется на этой кровати, что требует переселить его в другую палату.

– Всю ночь будто ворочался кто рядом. Ну, правда, я с ума-то еще не сошел.

В этом утверждении засомневались, но капризного больного перевели, и кровать осталась пустой. А еще через две недели на ней оказался Датычѐ – грязный, оборванный, все в той же больничной пижаме. Прятал заросшее лицо в подушку и молчал, лишь заросший седой затылок вздрагивал. Его пытались разговорить – тщетно. К вечеру подошел главврач, развернул измученного старика, измерил пульс, дал указания медсестрам, которые тут же примчались со шприцами.

Датычѐ скончался на рассвете. Выдохнул в тишине неспящей палаты и смежил усталые веки. А набившиеся в палату больные, медсестры, санитарки, слушавшие рассказ бродяги, еще долго не могли вздохнуть.

Рассказ этот стал чем-то вроде больничной легенды, многократно пересказывался, обрастал фантазийными подробностями. Лишь немногие помнили страшную исповедь Петровича.

Лет мне тогда было около тридцати – молодой, шустрый. Жена красивая, сынишке год. Работал на самосвале, возил песок – щебень по стройкам. И день тот помню, будто вчера. Жарко было очень, решил проехать леском, все прохладнее. Дорога, правда – ямы да ухабы, но нам-то не привыкать. Мальчишка этот, выскочил бесенок, кусты там еще у самой дороги. До сих пор вижу эту картину, впечаталась так глубоко – не вытравить... Рубашонка зеленая в клеточку, и ведь только сбоку пятнышко небольшое... Сандалик отлетевший, ножки в ссадинах... Чуть поодаль удочка самодельная, ведро перевернутое и карасики, живые еще... И шумит что-то за леском, этот шум и испугал. Ведь мне тридцать, жена красавица, сынишке год и зазнобушка на стороне ждет, надеется...

Не узнал никто, машину помыл и не видно. И что видно будет на самосвале, мальчонка-то совсем маленький. Только не могу за баранку садиться, хоть что с собой делай. Только на место шоферское – рубашонка эта, ножки в царапинках да карасики хвостами по пыльному асфальту бьют. А как объяснишь? Вот и начал я пить, чтобы с работы уволили. Пока пил, жена ушла, сынишку забрала, любовница другого нашла. Очнулся словно в другом теле – все заново. А из прошлой жизни пятно на зеленой рубашке и ручеек от него.

На хорошую работу не брали, но в то время еще можно было на кусок заработать. Дружки появились такие же, а с ними и подружки. Что долго рассказывать, не мне бы за такую жизнь держаться, мог бы – с мальчонкой местами поменялся.

Пропили и смену строя, и девяностые, не заметили. Лишь менялись лица в моем полуразрушенном доме. Но тут беда – сгорел дом. Пришлось осваивать кочевую жизнь. Только здесь, в больнице, и отдыхал, чувствовал себя человеком, помогал, как мог. И отступала картинка того дня, чудо забытья.

В тот день вечером вымылся, постель переменял – хорошо. Уснул сразу, а проснулся от того, что кто-то за рукав тянет. Я его сразу узнал, мальчишку моего. Не пошел за ним – побежал. А в голове картинки забытые из прошлого: вот за женой в роддом еду на своем самосвале, букет ромашек в газету завернутый. Свадьба наша – шумная, веселая. Очнулся на том самом месте, где лежал малец много лет назад. Как? Отсюда километров двести, не меньше! А мальчишка в лесок тянет, пошел за ним. Дальше опять провал. Пришел в себя у старенького дома в заросшей бурьяном деревушке. Дверь перекосило – еле вошел. Пахнуло старостью и бедой. В единственной комнате под кучей тряпок зашевелился кто-то. Пригляделся – старуха древняя, скелет в лохмотьях темной кожи. Увидела меня, рукой замахала, подзывает.

– Дождалась, – хрипит, – схори рядом с сыночком.

И дух из нее вон. Пошел по деревне, хотел соседей позвать, только нет соседей, бабка последней жительницей была. Набрел на кладбище и сразу же могилку мальчишки нашел, привел он. Сколотил нехитрый гроб, вырыл могилу, похоронил старуху как просила. А дальше не помню ничего, очнулся только у больничных ворот.

Простил меня Сашка, его, оказывается, Сашкой звали...

Это были последние слова, сказанные Петровичем. Смерть его была тихой – никакой беготни, никаких попыток реанимировать. Сидели молча, вслушиваясь, как тает эхо от имени мальчишки, нелепо погибшего много лет назад.

Предостережение

Константин сразу почувствовал, что с этой девушкой что-то не так. Не успела она устроиться на соседнем сидении, как в автобусе сразу стало прохладно. Это в жаркий августовский полдень! И запах, он никак не мог определить, чем пахнет от незнакомки. Прелыми листьями, лесной землей, подвальной сыростью? Только отъехали – небо заволокло тучами, клубы рыжей с черными подпалинами городской пыли припорашивали пестрый пейзаж. Константин всматривался в знакомые переулки, ожидая, когда же, наконец, автобус вырвется из городского марева к живым, сильным деревьям, к манящим лесам, к пряному довольству полей.

Если бы не години бабушки, кто знает, когда бы удалось вырваться из города? На похороны в прошлом году он не попал, лежал со сломанной ногой. Теперь с нетерпением ожидал встречу с маленьким деревенским домиком, где прошло детство. Вот только до сих пор не мог представить этот домик без шустрой фигурки бабушки.

Девушка рядом что-то писала в небольшом блокнотике. Он не выдержал, скопился на лист в клеточку. Незнакомка писала в столбик какое-то имя и фамилию. Мужчина присмотрелся – весь листок был исписан «Синегорской Ариной».

Константин отодвинулся, насколько позволяло кресло, отвернулся к окну, рассматривая островки скудного водительского комфорта: гостиницы-новоделы в окружении чахлах посадок, с коптящими мангалами и раскрашенными кафе. Запах горелого мяса заползал в автобус. Захотелось пить, он потянулся к сумке. Девушка перестала писать и уставилась немигающим взглядом.

– Может быть, вы хотите пить? – предложил мужчина.

Девушка не отвечала, только смотрела черными глазами – впадинами. По спине мужчины пробежал озноб.

«Пересесть что ли?» – думал он, оглядывая салон, даже присмотрел себе пустующее место в самом конце автобуса. Но тут девушка настойчиво потянула за рукав: «Смотри...»

Никогда до и никогда после он не слышал, чтобы так говорили. Впрочем, однажды ему пришлось общаться с человеком, который разговаривал при помощи трубки, вставленной в горло. Голос девушки отдаленно напоминал речь того бедолаги, но никаких трубочек видно не было.

Она опять склонилась над блокнотиком и стала рисовать. Нарисовала сердечко, а потом перечеркнула его. Рядом написала: «Гая». Затем появилась машина – незатейливый детский рисунок, который с каким-то остервенением перечеркивала, закрашивала темным. И опять рядом имя, в этот раз Борис.

И, наконец, появилась девочка на качелях, совсем маленькая девочка. А на следующем – качели лежали на земле, как и эта девочка. Попутчица старательно выводила: «Геля». Дорисовав, она захлопнула блокнотик, и стала пробираться к водительскому месту. Автобус притормозил, открыл двери, и незнакомка осталась далеко позади.

Константин не мог успокоиться до самого поселка, до родного домика под красной крышей. Некогда такой веселый, он выглядел сиротливым, растерянным, брошенным. Катактыльные стекла окон, заросший палисадник – мужчине подумалось, что жилища тоже переживают депрессию. Родственники хлопотали на кухне, как же давно он их не видел: и веселушку тетю Киру, и серьезную тетку Галку. Кузен Борис тянул во двор, намекая, что припрятал там кое-что.

– Борька, да не пью я.

– Что совсем? Болееешь что ли?

– Нет, не болею. А знаешь, бери свое «кое-что» и пошли на кладбище сходим. Я еще на могиле у бабушки не был.

Они шли по аллее, засаженной березами. Их нежная бледность, повисшие пряди ветвей навевали светлую грусть. Константин рассматривал новые захоронения, узнавая на фотографиях друзей своего детства, ближних и дальних соседей. Вот Мишка, с которым они в первый раз отправились на рыбалку. Сколько им было – пять, шесть? Красавица Светка, она же моложе на целых пять лет!

– Спилась, – сказал Борька, поймав взгляд брата. И тут же отхлебнул прямо из горлышка.

И тут Константин увидел... Над могилой девушки возвышался необычный памятник – фигура Ангела вовсе не застыла в скорби, она будто парила, раскрыв крылья, всматриваясь в даль. Казалось, что Ангел видит и деревню, и железную дорогу, расположенную сразу за ней, соседние города... С памятника на Константина смотрела сегодняшняя попутчица. Она улыбалась...

– Слушай, Борька, ты машину себе купил?

– Да, откуда знаешь?

– Борька, продай ее! Разобьешься!

– Ты с ума сошел? Я копил целый год, кредит взял.

– Вот и отдашь кредит.

– Да ты что? За сколько я ее продам? Да и не хочу я продавать!

– Борька, поверь. Хорошо, я расскажу...

И Константин рассказал.

– Нет, ну ты нормальный? Села рядом пациентка психиатрической клиники, а я машину продавать буду.

– Но это она, Синегорская Арина, умерла полгода назад. Она сначала свое имя писала. А еще нарисовала сердечко, перечеркнула и написала Галя.

– У тетки обнаружили заболевание сердца...

– А кто такая Геля, девочка лет двух?

– Мишкина дочка. У них год назад родилась девчонка, не знал?

– Нет, ее нельзя подпускать к качелям.

За поминальным столом разговор постоянно возвращался к странному пророчеству. Спрашивали у деревенских – кто такая эта Синегорская Арина, но они почему-то не знали девушки, похороненной на их кладбище. Это было странно.

Позже Галина решится уехать к сыну Михаилу в Германию, там ей сделают операцию, и женщина быстро пойдет на поправку. Бабушка и спасет маленькую Гелю, удержав от попытки покачаться. Качели все же упадут, но жертв не будет. А Бориса похоронят через год, на том же деревенском кладбище. Он пьяным сядет за руль своей машины...

Дымка

– Ну что ты здесь делаешь, милая? Не могу я тебя взять, – Маша склонилась к кошке, чтобы погладить.

Уже несколько дней серая ухоженная красавица встречала ее у входной двери в квартиру. Она не бросалась навстречу, не терлась о ноги, не уговаривала мурчанием, просто сидела в сторонке и смотрела на Машу огромными зелеными глазами. И от этого взгляда женщина терялась.

– Молоко будешь? Тогда жди, домой не рвись.

Но кошка и не предпринимала попыток проникновения, она просто сидела и смотрела. Даже к блюдцу с молоком не подошла, лишь следила за хозяйкой квартиры, у двери которой обосновалась. Но через полчаса блюдец было пустым.

– Вот и умница. Ты же не уличная, смотри, какая аккуратная. Иди домой, не получится у нас с тобой совместного житья. Я и о себе сейчас ничего не знаю, куда уж тебя брать?

Кошка, наконец, поймала взгляд, и Маша поняла, что не в силах вырваться из зеленой бездны.

Впервые перед сном думалось не о болезни, не о страшных перспективах, думалось почему-то о кошке, караулящей входную дверь. Захотелось смалодушничать, пустить дымчатую красавицу, прижаться к теплоте тельцу, чтобы не чувствовать себя настолько одинокой, настолько брошенной. Веки смежились, и она провалилась в беспамятство. Утром проснулась бодрой, ночь без пробуждений наплатила силой, впервые за последние два месяца.

Когда Артем сказал, что уходит, она не поверила. Да и как можно было поверить фразе, брошенной во время ужина между пловом и чашкой чая? Он сказал это так, как говорил бы о летнем отдыхе или необходимости ремонта.

– Маша, я встретил другую женщину. Я ухожу. Завтра соберу вещи и съеду, – спокойно, насыпая сахар в чашку.

Больше всего ее удивило, что он что-то добавил про то, что специально отпросился с работы, чтобы вывезти вещи. В груди сжалось стальное кольцо, Маша долго пыталась сделать вдох. Артем спокойно наблюдал за приступом:

– Не поможет, не устраивай тут...

Вышел в комнату, включил телевизор, оставив задыхающуюся женщину на кухне. Картина настолько крепко впечаталась в ее памяти, что стерла все остальные: приступ удушья, невозможность наполнить легкие воздухом и какие-то крики ток-шоу сквозь гул в ушах. В тот вечер обошлось, но через неделю скорая увезла ее в реанимацию. В клинике и узнала о страшном диагнозе. Молодая женщина даже не испугалась, ей казалось, что она больше не способна на чувства после того страшного вечера. Приняла как данность, разбив эти данности на множество маленьких: бесконечные исследования, работа до позднего вечера и в выходные, чтобы удержаться на работе, прием лекарств.

Гул телевизора вместо семейных разговоров, вкусные обеды и ужины заменил прием пищи... Только вчера, пока смотрела в зеленые глаза прилудной кошки, что-то шевельнулось внутри. Вечером заскочила в магазин, купила пакетик кошачьего корма. Серая красавица привычно ждала на своем месте.

– Ну проходи, – распахнула перед ней дверь Маша.

Кошка не заставила себя уговаривать, прошла, обнюхала углы и устроилась на Машиной кровати.

– А ты нахалка! – возмутилась хозяйка.

Кошка лишь приподняла царственную голову и посмотрела прямо в глаза.

«Что я делаю? А вдруг она заразная, не хватало еще проблем», – думала Маша, чувствуя тепло прижавшейся и мурчащей кошки. Вечером кошка получила мисочку корма, блюдце молока и новое имя – Дымка. Похоже, кличка ей понравилась.

Теперь вечерами Маша спешила домой. Поужинав, они устраивались с Дымкой у телевизора и смотрели старые фильмы. Кошка заползала на колени, прижималась и усиленно мурчала. Ночью кошка заползала на ее живот и недовольно мурзилась, если Маша предпринимала попытку ее сбросить.

По всем приметам Дымка была молодой кошкой, но вела себя странно. Она не резвилась, не играла, с грациозной степенностью прогуливалась по комнате, выбирая момент, когда можно запрыгнуть на колени хозяйки. В лечении наступил перерыв, надо было ждать результатов анализов три недели. Маша с ужасом думала не о предстоящей операции, а о том, куда пристроить Дымку: родители жили далеко, подруг она растеряла за двадцать лет брака.

– Что же с тобой делать, Дымушка? Вот положат меня в больницу, кто будет за тобой смотреть? – говорила она кошке.

Но та лишь мурчала, крепче прижимаясь к животу.

Через неделю женщина заметила, что Дымка стала вялой. Она привычно подходила к миске, съедала несколько шариков и отворачивалась. Только пила чаще. Носик стал горячим. Маша испугалась, завернула кошку в полотенце и бросилась в ветеринарную клинику. Там обследовали, ничего серьезного не нашли, списали на стресс от смены обстановки. Но кошка хирела с каждым днем. Она совсем перестала есть и пила с трудом. Маша вызвала ветеринарную неотложку. Кошку забрали в клинику. Женщина провела там полночи, но пришлось вернуться домой, утром предстояло узнать, насколько опасна появившаяся в ней опухоль.

Маша рассчитывала, что успеет до вечера пройти обследование и навестить Дымку, но ее неожиданно госпитализировали. Весь день водили от аппарата к аппарату, что-то заново исследуя. Только через три дня она узнала, что врачи сильно удивлены результатом. Опухоли не было! Но ведь была, ведь брали пробы на гистологию!

Машу выписали с множеством рекомендаций. Из своей больницы она поехала к ветеринарам, у которых оставила свою Дымку.

К ней вышел седой врач:

– Сожалеем, мы сделали все возможное. У животного обнаружили быстро растущую опухоль. Попробовали удалить, но кошка умерла...

Маша вышла в дымчатые сумерки.

«Она спасла меня», – билась единственная мысль.

У двери квартиры ее ждал маленький белый котенок. Пушистый комочек громко пищал и требовал молока.

Подарок покойнику

Всматриваясь в мутное вагонное стекло, Влад думал, что ни случись тогда этого ужаса, он, быть может, так и не решился покинуть умирающий город. Ужаса, унесшего две жизни.

Тот злополучный день начался как обычно: пробуждение, завтрак, дорога на кладбище, где Влад работал третий месяц. Дальний родственник, устраивая на работу, заговорщически шептал:

– Местечко-то рыбное, у нас, пожалуй, самое денежное. Сам понимаешь, родственники, то... се...

– Что же хорошего-то? Работа и работа, – Влад старался сдерживать недовольство.

– Много ты понимаешь! Да в былые времена, чтобы устроиться могильщиком такие деньги давали! И за пару месяцев возвращались денежки-то, – в маслянистых глазах вечно пьяного родственника появилась мечтательность.

Перспектива рыть могилы и таскать гробы Влада не радовала, не о такой работе мечталось в институте, но в маленьком городке вакансий не было, а на переезд нужны были деньги. Да и мать говорила, что устала жить одна, что ей нужна помощь. По поводу одиночества Влад бы поспорил, отчимы менялись регулярно, приходили в их небольшой домик, «хозяйствовали» полгода, а потом изгонялись. А домик все разрушался, сбрасывал лохмотья былого красочного разноцветья, грозил проплешинами ржавчины на потемневшей крыше. Влад для себя решил – наберет денег, сделает ремонт, а потом уедет в края, где нужны инженеры.

В бытовке уже сидели Санек и Колька. Колька, похоже, и не уходил домой. Он тер опухшее лицо и лениво озирался.

– Деньги есть? – услышал Влад вместо приветствия.

– Откуда?

– Ты прижимистый, богатенький, наверное, – в голосе Кольки звучала угроза.

– Нашли богача...

Андрей прибежал, когда они, взяв лопаты, собирались на объект.

– Пацаны, дайте телефон позвонить, я свой забыл.

Влад протянул старенький смартфон.

– А что он у тебя тормозит?

– Менять надо...

За три месяца молодой человек привык к кладбищу, ему даже нравилось нирваническое пространство, притупляющее желания. Если бы не коллеги...

К обеду подошла ритуальная машина, и молодые люди отправились по адресам. Им предстояло доставить два тела к местам вечного упокоения. Потом устанавливали памятник. Освободились поздно вечером.

– Эх и день, – ныл Санек.

– Ага, кто сегодня со мной пивком подлечиться?

Влад молчал. Молодые люди знали, что он не пьет, да и денег нет, что проку уговаривать?

– Андрей, где мой телефон? Ты звонил утром.

Андрей молчал, усмехаясь.

– На позвони, – Колька протянул свой мобильник.

Влад набрал свой номер, гудки, но сигнала мелодии не слышно.

– Кхе-кхе, с тобой говорят с того света. Спасибо, Владик, за телефончик, – произнес Андрей, изменив голос.

– Что за...

– Дедку я твою мобилу подарил, пусть бабке своей с небес звонит.

– В смысле?

– А еще институт закончил. Что же тут непонятного? В гроб ему сунул, – Молодые люди уже не сдерживали хохот.

– Вы ненормальные? – задохнулся Влад.

– А что, сам же сказал – мобилу менять пора, она у тебя антикварная.

Молодой человек выбежал из бытовки, спорить с этими животными смысла не было. Дома Влад сказал, что увольняется. Мать уговаривала, плакала, жалела себя. Но сын был непреклонен. Посчитав скопленные за это время деньги, он понял, что новый телефон он себе позволить вряд ли сможет, разве что самую простую модель, без доступа к Интернету. А в Интернете была его настоящая жизнь: друзья по студенческой жизни, масса интересных приложений, но главное – библиотека. Целый мир, который спасал от разрухи.

Но утром уволиться не получилось, бригадир обязал отработать две недели. Влад отпросился, заскочил в салон, оставив в нем почти все деньги. Работал молча, коллеги тоже притихли, вероятно, до них стало доходить, что шутка была неудачной.

– Ты... того... прости за вчерашнее, – шепнул Санек, улучив момент.

Влад лишь хмыкнул.

Вечером мать испекла пирожки, которые так любил сын. Ждала, всматривалась в его глаза, но вопросов не задавала.

– Я уеду через две недели. Устроюсь – буду высылать деньги, сделаешь ремонт.

Андрей умер через три дня. Отравился суррогатным алкоголем. А накануне не вышел на работу. Днем звонил Кольке, но тот бросил телефон после пяти минут разговора с пьяным товарищем.

– Горячка у него что ли, такую ерунду несет.

Но обсуждать пьяные выходки Андрея, не было ни времени, ни желания. А через день они стояли у морга в ожидании тела. На поминках Колька напился.

– Мы с Андрюхой с детства, понимаешь? – заглядывал в глаза Владу. – Друг он был, сейчас таких не делают...

Бригадир, сидящий рядом за столом, лишь поддакивал:

– Жалко парня, молодой.

В тот момент он даже не догадывался, что Колька переживет своего друга всего на пять дней, он пьяным сядет за руль старенького автомобиля, доставшегося ему от деда. Последняя поездка будет краткой, машина врежется в бетонный столб. В тот же день к Владу прибежит Санек, протянет трясущимися руками смятые купюры и будет умолять взять их за тот телефон. Влад не сразу добьется от дрожащего парня, что тот хочет. Денег не возьмет, но выяснит, что перед своей смертью Колька прибегал к Саньку и рассказывал, что с номера Влада, того самого, ему звонили и сказали, что пришла его пора, Колькина. Мол, ждут уже...

Влад смотрел на несчастного Саньку с жалостью, понимая, что его безвольность рано или поздно доведет до беды.

– Не переживай, я скоро уеду. А с Колькиной смертью прекратилось все, больше не будет смертей, – Влад не понимал, откуда эта уверенность. Он ощущал ее как нечто инородное, не свое.

Уверенность с той минуты уже не покидала молодого человека, рисуя красочные образы. Наутро Влад отправился к бригадиру. Он знал, что его уволят без всяких условий, знал, что даже выплатят выходное пособие, на которое он сможет купить билет. Поэтому не удивился, когда бригадир протянул пачку денег.

И вот теперь, рассматривая графичность бегущего осеннего пейзажа, Влад просто наслаждался долгожданным спокойствием.

Людкина тайна

Историю эту Людка никому не рассказывала, боялась, что сочтут сумасшедшей. Лишь однажды, в гостях у любимой подруги, решила поделиться тайной. Подруги отмечали день рождения Светки, засиделись за полночь. Гости разошлись, а подруги все никак не могли расстаться.

– Люд, поделись секретом, как ты за последние годы помолодела лет на десять, – не унималась одинокая Светка.

– Ты же знаешь: разошлась с мужем, вернулась в родной город, встретила Максима. Начала все сначала. С матерью отношения наладились, она к внукам прикипела.

– Это-то я знаю, но чувствую, есть какой-то секрет.

– Секрет, говоришь?

Все последующие события не смогли стереть память того, летнего дня. Людмила отвела своих четырехлетних близнецов Кириушу и Сережу к соседке, та приглядывала за ними, пока молодая мама работала. Проверила наличие документов и отправилась в магазин. Рабочая смена начиналась в восемь утра, но на месте надо появиться за полчаса до открытия. Всю смену Людмила поглядывала на часы, боялась опоздать.

– Катюш, я на часок, не больше, – в десятый раз говорила напарнице, обслуживающий соседний отдел. – Сама понимаешь, жизнь моя решается. Еле уговорила бывшего на продажу дома, а тут такая удача.

– Да поняла я, иди к своему нотариусу. Хозяйка сегодня на оптовке закупается, не должна раньше вечера приехать.

Людмила, действительно, долго уговаривала бывшего мужа на размен дома. Но он противился, смакуя отказы, наслаждался властью над ней. С развода прошел уже год, а бывшие супруги жили под одной крышей. Развод лишь усугубил ее положение, теперь она должна была терпеть присутствие многочисленных подруг, которых он приводил в дом, где жили его дети. Иногда экс-супруг устраивал дикие пьянки. В такие дни Людмила с детьми уходила к знакомым. Но случилось чудо – бывший встретил женщину и ушел к ней, разрешив Людмиле заняться продажей дома. В тот день должна была состояться сделка купли – продажи у нотариуса.

Людмила выбежала за полчаса до назначенного времени. До кабинета нотариуса было пятнадцать минут ходьбы, но женщина решила сократить путь, пройдя через дворы. Она хорошо помнит, как свернула в проулок, как удивилась красивой клумбе, которую раньше не видела, даже притормозила, любясь нераскрывшимися бутонами, но потом ускорила шаг. К ее удивлению, кабинет нотариуса оказался закрыт. Никаких объявлений, никого, кто знал бы, где нотариус! Но самое страшное – покупателей тоже не было! Она хотела позвонить, но телефона в сумочке не обнаружила, вероятно, забыла на работе.

Напарница Катька набросилась на Людмилу, стоило той перешагнуть порог магазина:

– И где ты была? Обещала на часок, а сама шесть часов прогуляла!

– Как шесть часов? – не поверила Людмила.

– Хватит прикидываться дурочкой. Хозяйка была, говорит, чтобы завтра утром приходила, сдавала отдел. Увольняют тебя!

Людмила обнаружила телефон за прилавком. Он был выключен.

– Хоть бы телефон взяла, я и без него разрывалась на два отдела, а тут еще звонят тебе, не переставая.

Людмила смотрела на зажегшийся экран и не верила глазам – на часах было шесть часов вечера. Из магазина она вышла в половине первого! Девять пропущенных звонков от покупателей! Она попыталась перезвонить, но там сначала не брали трубку, а потом ответили довольно грубо, что отказываются от сделки, мол, присмотрели лучший вариант, и вообще не желают иметь никаких дел с такими необязательными людьми.

Недоумение, обрушившееся на молодую женщину, отчасти помогло пережить ужас положения: покупателей больше не было, работы тоже, скоро ей и ее малышам будет нечего есть. Ничего не оставалось, Людмила собрала вещи и вернулась в родительский дом, к матери. Но вопреки ожиданиям, мать обрадовалась приезду дочери. Молодая женщина быстро нашла работу, устроила детей в сад и встретила Максима.

– До сих пор не понимаю, что тогда произошло. Где я была все это время?

– Да уж, история...

– Мне кажется, я поняла главное. Иногда мы что-то воспринимаем как испытание, а на самом деле это путь к избавлению, надо просто перестать сопротивляться.

Проклятие шамана

– Ты выслушай меня, не перебивая, – Анна говорила, словно давясь словами. Ксения не перебивала, знала, если подруга попросила о незапланированной встрече – на то есть веские причины.

– Я уеду завтра, – вздохнув, решила Анна.

– Куда?

– Сообщу позже, если все получится.

– Анютка, что получится? У тебя проблемы? Не молчи! Я могу помочь?

– Можешь. Вот тебе комплект ключей от моей квартиры. С хозяйкой я договорилась, главный комплект отдам соседке.

– Тогда зачем этот?

– Если до девяти не напишу – приезжай на квартиру...

Всю ночь Ксения не спала, то и дело включала телефон, проверяла – нет ли сообщения. Оно пришло в семь утра: «Все нормально. Доберусь – напишу. Ключи можешь выбросить. Аня».

Она хотела перезвонить, но телефон подруги был выключен. Две недели прошли в тревоге, телефон не включали, в социальных сетях Анна не появлялась. Они дружили семь лет, с тех самых пор, когда обе девушки приехали в город работать. Жили на одной съемной квартире, пока Ксения не вышла замуж и не переехала к мужу. Подруги постоянно созванивались, встречались до тех пор, пока Аня не стала избегать общения. Случилось это пару месяцев назад.

– Наверное, жениха завела, – шутил Николай, муж Ксении.

Но через пару недель именно он предложил выехать на природу, на шашлыки:

– Хоть отдохнете, подружки, месяц май на дворе.

Аня согласилась, но в среду неожиданно позвонила и попросила о встрече в парке...

Две недели ожидания извели Ксению. Она хотела уже брать отпуск и ехать к матери подруги в деревню.

О письме сообщил муж, увидел отправителя и вбежал в кухню, где у плиты хлопотала Ксения.

– Анька объявилась, иди быстрее.

«Дорогая моя подруженька, бесценная Ксюшка, – писала Аня, – хочу извиниться перед тобой. Мое исчезновение выглядело странно, а уж молчание вообще жестоко. Знаю, что переживала за меня, но не могла написать раньше. Да ты все поймешь, когда прочтешь до конца. Еще несколько слов, перед тем, как начать. Первая мысль, которая придет тебе в голову – мое безумие. Я и сама поначалу так думала, если бы не схожие события в жизни моих бывших коллег. Если захочешь, скину тебе контакты, можешь связаться. Теперь наберись терпения и читай.

Первые проблемы начались еще до нового года. Фирма подошла к праздникам с огромными убытками, понятно – кризис. Многие поговаривали об уходе. Ах, Ксюшка, если бы я тогда решила уйти, если бы не испугалась. Не знаю, откуда во мне этот страх – я же видела, насколько все просело. А тут еще кредит, помнишь, брала, когда мама лежала в больнице? И маме помогать надо. Квартира съемная, сбережений нет. Впрочем, что я себя оправдываю, просто струсилa. На последние оплатила аренду квартиры, накупила гостинцев и уехала к маме на праздники. Надеюсь, что после новогодних каникул все рассосется. Не рассосалось».

– Котлеты! – прервал чтение крик Николая.

Ксения только сейчас заметила, что комнату заволочло дымом.

– А ты почему не выключил? – набросилась на мужа, бросая сковороду под струю воды.

– Увлёкся.

– Чем?

– Ждал, что дочитаешь и перескажешь. Иди, я тут сам.

Ксению уговаривать не пришлось.

«После праздников некоторые не вернулись, подыскивали работу. Знаешь, а ведь не только страх тогда меня удержал, как-то стыдно бежать с тонущего корабля. Ну да ладно, теперь уже прошлое. Хозяин наш, Анатолий Кириллович, стал каждый день появляться на работе – плохой знак. Собирал нас, чтобы покричать. И так его жаль было, все же понимали – от бессилья. Прошел слух, что выжимают нашего Анатолия с рынка люди серьезные, будто бы предложили ему скинуть бизнес за бесценок, а тот уперся. К апрелю от большого коллектива осталось десять человек. Бухгалтер наша, Любовь Марковна, все плакала, мол, вам-то, девчонки что, а я работу в свои сорок пять не найду. Удивительная у нас страна: до сорока – дети инфантильные, а после сорока – старики, никому не нужные. А уж Марина Владимировна, уборщица, как убивалась, ей на маленькую пенсию без работы не выжить.

Не устала подруженька? Ты хоть чайку налей, все легче про такое читать.

В тот день Анатолий Кириллович явился рано, разогнал всех после обеда. Как я не слышала? Уезжала на встречу, пыталась хоть один контракт пробить, вернулась поздно. Документы готовила, даже не заметила, что в офисе никого не осталось. Любовь Марковна была в налоговой. Потом говорила, что хотела домой ехать да испугалась, без того на волоске держались. Марина Владимировна приходила вечером убираться, но, обычно, быстро заканчивала. Я тебе подробно так описываю, чтобы ты понимала, нас троих, не должно было быть в то время. Уже собиралась уходить, как в окно увидела подъезжающую машину шефа. Даже обрадовалась, переговоры мои прошли успешно, спешила отчитаться. А тут и Любовь Марковна вышла из своей бухгалтерии. Так мы его вдвоем и встретили у дверей. Но не его одного, вместе с ним зашел... шаман. Самый настоящий – заросший весь, в какой-то шкуре, это в апреле-то, с огромным бубном, увешанный колокольчиками, тряпочками, узелками. Увидел нас – издал гортанный звук и стал кружиться и в бубен свой бить. Остановится, погрозит нам колотушкой и опять кружится и поет странным голосом. На шум прибежала уборщица, что тут началось – шаман кричит и пляшет, шеф гонит вон. Пришлось спасаться бегством, на улице еще посмеялись и разошлись по домам. А утром Анатолий Кириллович вызвал нас в кабинет и приказал молчать о том, что видели.

Так мы и не собирались сплетничать, не до того. Ксюша, ты не поверишь, дела фирмы резко рванули вверх. Те, кто еще вчера отказывали нам в сотрудничестве даже на кабальных условиях, обрывали телефоны и шли на любые компромиссы, будто мы одни на всем рынке остались. Только вот сотрудники...

Первой заболела Юлька, молодая девчонка, занимающаяся рекламой. Диагноз самый неутешительный. Через два дня Серега попал под машину. Как-то нелепо, ночью. Еще через два дня сгорела дача Светки. Она тогда с семьей в первый раз отправилась туда после зимы. За две недели все семь сотрудников... А нашей троице, наблюдавшей за обрядом, выпало иное испытание. Каждую ночь всем нам снился шаман, который говорил, что вдохнул в нас силу зла. И правда, у Любви Марковны заболела дочь, потом слегла сестра, подруга. Уборщица уволилась и уехала в паломнический тур. А я... я тоже несла разрушение. Позвонила хозяйка, поговорили несколько минут по телефону – на следующее утро она сломала ногу. Была еще соседка, дворник...

Не спрашивай, что мы с Любовью Марковной предприняли, надеюсь, теперь все позади. Скажу лишь, что в эти две недели я насмотрелась такой экзотики! И еще одно – добро, конечно,

сильнее, но так мы уязвимы перед злом. В наш город я не вернусь, разве заеду за мамой как обустроюсь на новом месте. И буду ждать тебя. Ты ведь приедешь, подружка?»

– Конечно, приеду, – сказала Ксения сквозь слезы.

Чужое письмо

Убивая надежду, рождаешь отчаяние...

Светлана чувствовала, что неприятности начались со старушки, что пришла за письмом, будь оно неладно... Что она прошептала, уходя? Что-то вроде: «Убивая надежду, рождаешь отчаяние»? Сколько раз за эти пару месяцев она боролась с отчаянием...

Старушка была очень мала, когда подошла ее очередь, оператор Светлана не сразу увидела мелкое лицо в обрамлении кудряшек, выглядывающее из-за стойки.

– Что вам? – крикнула девушка, как обычно кричат пожилому человеку, сразу ставя на собеседнике печать изъяна.

– Милая, будьте любезны, мне должно прийти письмо, письмо от дорогого мне человека.

– Заказное? С уведомлением?

– Что? Нет, самое обычное.

– Так и ждите дома, что ходите?

– Понимаете, оно отправлено давно и по срокам должно было прийти.

– Значит дойдет. Ждите.

– Девушка, вот подумала, – посетительница замялась, – я ведь и не знаю, возможно, оно и было, как это... заказным уведомительным...

– С уведомлением, – машинально поправила Светлана. – Хорошо, назовите свои данные, я посмотрю.

Старушка послушно назвала имя и фамилию, свой адрес и адрес отправителя. По-детски круглые, светлые глаза с надеждой смотрели на черный квадрат задней стенки монитора.

Работница почты молча встала, прошла в подсобку, но вскоре вернулась, бросив:

– Не было. Следующий.

Казалось, фигурка пожилой женщины стала еще меньше – опустив голову она тяжело пробиралась к выходу.

К концу дня Светлана забыла и о старушке, и о письме, что давно пришло в их отделение, но искать которое было лень...

Дома ждал неприятный сюрприз – сбежал ее любимец, кот Степка. Ленивый десятилетний кот, не выходивший никогда дальше лестничной площадки, вдруг развил несвойственную для него прыть, когда Максим открывал дверь.

А еще через две недели сбежал и Максим. Не ушел, а именно сбежал – собрал вещички, пока она была на работе, опустошил копилку, где жила мечта об отпуске, их совместном отпуске, и переметнулся в другой мирок женского уюта, к ее подруге. Подруга давно искала Максима голыми худыми коленями, глупым хлопаньем наращенных ресниц и шлепаньем ботоксных губ. Светлана лишь посмеивалась, наблюдая, как сорокапятiletняя дама вдруг стала одеваться в подростковые вещи и примеряла на себя маску нимфетки. Казавшаяся фриком, она смогла соблазнить мужчину подруги. Светлана убеждала себя, что Максима соблазнили счета банковских карт.

Потянулись тоскливые, одинокие вечера с рубиновым блеском вина в бокале и мутной бессонницей. Как банально! Через недельку зарегистрировалась на сайте знакомств, чтобы отравить печаль горечью хамской похоти.

А еще через месяц обнаружила злополучное письмо в куче корреспонденции, превращенной в мусор – грязный конверт со следами подошвы. После работы она отправилась по адресу старушки.

– Вы к Анне Петровне? – спросила женщина из соседней квартиры. – А она умерла, схоронили месяц назад.

– Умерла?

– Да, а кто вы ей будете?

– Просто знакомая... Вы не знаете, где ее похоронили?

– Почему не знаю? Знаю, мы и занимались похоронами, Анна Петровна при жизни распорядилась, родственников-то у нее не осталось. Сейчас, – женщина нырнула обратно в свою квартиру, но вскоре появилась с адресом захоронения, записанным на бумаге.

«Дорогая моя Аннушка, это мое последнее письмо тебе, знаю, через несколько дней, наконец, встречусь со всеми, кто дорог. Разве тебя оставляю на этой земле и это меня очень беспокоит...»

Светлана читала ровные строчки, написанные крупным почерком, так, обычно, пишут пожилые люди. Холодный осенний ветер разогнал посетителей кладбища. Светлана и сама не могла понять – зачем она поехала сюда, зачем искала свежую могилу, зачем распечатала это письмо.

«Нюточка, мы прожили большую жизнь, столько общих воспоминаний, столько переживаний, пожалуй, не вместить даже в роман. Вряд ли тебе интересны мои последние размышления, дам нашего возраста одолевают схожие мысли. Я хотела тебе сказать главное.

Ты всегда была дорогим для меня человеком, всегда – даже в те двенадцать лет, что мы не общались. Сейчас это кажется смешным, не поделили Федора, ведь он и тебя не сделал счастливой, разве месяц-другой. Он и в этом был пошляком. Только в последнее время стала осознавать, что он прислан нам как общее испытание, чтобы почувствовали, чем надо дорожить...

Не хочу больше о Федоре, нам ли, потерявшим мужей, детей, родственников, вспоминать о человеке, рассорившим на долгих двенадцать лет? Дорогая моя сестричка, помнишь, в детстве мы дали друг другу клятву? Ты залезла ко мне на горячую печку, чтобы мне было не скучно одной болеть. Тогда мы поклялись считать друг друга сестрами.

Так вот, Нюра, я шагну первой, но буду все это время стоять у порога, ждать, когда ты сделаешь свой шаг, чтобы протянуть тебе руку. Клянусь, тебе не будет страшно. До встречи...»

«Она дождалась, – думала Светлана, сидя в душном автобусе. – Дождалась, чтобы протянуть руку. Наверное, это и есть любовь: отчаяние превращать в надежду...»

Вскоре Светлана узнала, что станет мамой.

Тайна старой усадьбы

В этот раз Кирилл не стал выбирать гостиницу, просто связался с первой попавшейся и забронировал номер. В этом городе он пробудет всего сутки, зачем тратить время на такие мелочи? В город Л. Кирилла пригласили для проведения единственного тренинга, раньше бы он, разумеется, отказался, но сейчас кризис переживал и коучинг. Хозяин пригласившей фирмы платит хорошо, но и требования выдвигает серьезные – за один день провести целый курс. Но это даже обрадовало Кирилла, его возбуждало забытое ощущение вызова.

Гостиница оказалась в пяти минутах ходьбы от вокзала, на маленькой зеленой улочке. Устроившись, он решил прогуляться по городу, заодно и поужинать в каком-нибудь уютном местечке. Девушка на ресепшен посоветовала несколько мест, в одно из которых Кирилл и отправился. Кухня в кафе оказалась вполне приличной, а скверики в городе милыми. Он решил не устраивать долгой прогулки, предстоял трудный день, надо было отдохнуть. Он сидел на парковой лавочке и наблюдал за стайкой воробьев, деловито перепрыгивающих с ветки на ветку. Густая августовская зелень с первыми осенними проседями, словно уставший за лето пряный жаркий воздух опутывали истомой. Не хотелось думать, что будет завтра, послезавтра, через год – Кирилл впадал в привычное состояние всепоглощающего безразличия.

– Позвольте? – пожилой мужчина в светлом летнем костюме присел рядом. – Жарко сегодня.

– Да, – согласился Кирилл. Он с интересом посмотрел на соседа. На миг ему показалось, что он попал в прошлое: парусиновые брюки с манжетой, льняной пиджак, соломенная шляпа, которую тот снял, чтобы обмахиваться.

– Городок у нас хороший, добрый городок, да вы и сами убедитесь. Вот завтра прогуляетесь, и он вам обязательно понравится.

– Не понимаю...

– Вы ведь гость нашего города. Приехали сегодня, думаете, что завтра уедете, но вы ошибаетесь. Наш город сразу не отпускает, – старичок беззвучно рассмеялся.

– Но как?

– Вижу, что удивил вас, Кирилл. А тут и чуда-то особого нет. Позвольте представиться, Романов Петр Семенович, отец Алексея, человека, пригласившего вас. Признаюсь, это я настоял, слежу за вами. Думаю, завтра, встретившись с моим сыном, вы согласитесь продлить свое пребывание в нашем городе, согласитесь провести еще несколько занятий. То, что встретил вас – чистая случайность, я каждый вечер прогуливаюсь по этой аллее.

– Признаться, я даже испугался немного, такая осведомленность...

– Думали, что ясновидящий, – старичок хохотал, не переставая.

– А почему вы решили, что я соглашусь?

– Согласитесь, согласитесь, вряд ли откажитесь. И вот еще что, есть в нашем городе весьма примечательное место, сейчас там филиал краеведческого музея, а некогда в особняке жила купчиха Самойлова, богобоязненная женщина. Этот дом и выстроили для нее в начале 19 века, выстроили на совесть, уже двести лет стоит. Самойлова рано овдовела, супруг оставил ей приличное состояние. Замуж больше не вышла, так и вдовствовала до кончины, а умерла она на исходе века.

– Зачем вы все это рассказываете?

Но пенсионер продолжал, не обращая на реплику слушателя внимания:

– Есть свидетельства, что во время пожара 1857 года, когда горел город, она, вместе с приживалками – странницами, вернувшимися с богомолья, ходила по городу с иконой Неопалимая Купина. Будто бы те дома, которые они успели обойти с молитвой, устояли. С тех пор к вдовушке стали относиться с особым уважением, да и та много средств отдавала на благо-

творительность. Жила она скромно, до последнего ездила по монастырям. После ее смерти дом перешел приюту для девочек, а в советское время там открыли музей краеведения. Чудом удалось сохранить убранство, а главное, иконы. Сейчас покои купчихи восстановили.

– Я все же не понимаю, зачем вы мне это рассказали?

– Вам обязательно надо посетить это место. У нас верят, что те, кто там побывал, обязательно получают ответ на свой главный вопрос.

– А какой вопрос для меня главный?

– Отвечу про себя. Я там понял, зачем я живу.

– Ну и зачем?

– Чтобы научиться видеть образ Бога в человеке, а не рисовать личину дьявола. Ну да мне пора, рад был встрече, – и старичок быстро поднялся и засеменял по аллее довольно быстро.

Всю ночь Кирилл не мог заснуть, все ворочался на жарких простынях, а утром отправился по указанному адресу. Алексей Петрович, действительно, предложил условия, от которых невозможно отказаться, тренер остался в городе на неделю. Каждый вечер собирался сходить в дом купчихи Самойловой, но все откладывал, его сдерживал непонятный страх. Решился уже перед самым отъездом.

Каменный дом старинной постройки выглядел весьма крепким и ухоженным. Дорожка, вымощенная булыжником, заросшие аллеи сада, все это переносило во времена славной Самойловой. Казалось, что сейчас на террасе за накрытым к чаю столом молодая вдовушка, окруженная стариками, ведет душевительные беседы. Кипит самовар и пахнет мятой и вареньем.

Кирилл бродил от экспозиции к экспозиции, пока не набрел на восстановленные покои Самойловой. Взорам посетителей открывалась большая приемная, уставленная всевозможными лавками и лавочками с многочисленными вышитыми подушечками, кабинет, где, как оказалось, вдова довольно успешно вела дела покойного мужа, а также небольшая молельная комната – домашняя церковь.

Стоило переступить порог этой комнаты, как Кириллу показалось, что он нашел место, которое долго искал. Мерцание зажженных свечей, множество икон, полумрак, мужчина чувствовал, что кружится голова. Он присел в одно из кресел и забылся. Какие-то образы пролетали перед его взором, какие-то обрывки воспоминаний. Неясная сила наполняла его.

Через месяц после возвращения Кирилл ушел из коучинга, открыв небольшой кабинет. Истина, которая открылась в темной комнате купчихи, звучала в нем камертоном: «Счастлив тот, кто ощущает вечность».

Селфи

Переписка подруг в мессенджере:

17 мая

Вика. Вау, куда увез тебя твой «Кошелек»?

Ника. Изящнее завидуй! Не узнаешь? Таймс-сквер. А это я на Бруклинском мосту.

Вика. Красотка! А сумка!!!

Ника. Из бутика в Сохо.

25 мая

Ника. Как дела, подруга? Я вернулась, может, посидим где-нибудь?

Вика. Давай через часок. Где?

Ника выслала фото на фоне известного кафе с подписью: «Узнаешь?»

Вика. Разумеется, буду через час. Ты в следующий раз перспективу для селфи продумывай, старуха всю картину испортила.

Ника. Какая старуха? Здесь нет никаких старух.

Вика. Посмотри на фото: за твоей спиной, в тени дерева.

Ника. Ах да, странно...

8 июня

Вика. Нет, за тобой угнаться невозможно.

Ника. Ты о фото? Это открытие галереи приятеля моего спонсора. Скучнейшее мероприятие, подруга, так что и завидовать нечему.

Вика. Ну как? Ты только посмотри, сколько медийных персон!

Ника. И что? Зато искусством и не пахнет, не люблю я постмодернизм.

Вика. Попроще будь, подруга. А это кто? У картины с красно-черной мазней, за твоей спиной. Вроде знакомое лицо.

Ника. Не знаю, возможно, чья-то родственница.

Вика. Ты выглядишь уставшей.

Ника. Да, есть немного.

16 июня

Вика. Солнце, море. Где ты?

Ника. Васто, Италия. Выбрались на несколько дней. Мне нравится, здесь тихо и удивительно чисто.

Вика. Вижу, дамы почтенного возраста.

28 июня

Вика. Подруга, ты куда пропала? Неделью не обновляешь посты, не пишешь, на звонки не отвечаешь.

Ника. Я в клинике.

Вика. Как? Решилась все же на шестой размер?

Ника. Нет, дело не в размере...

1 июля

Запись на стене:

Пользователь Ника закрыл страницу.

7 июля

Палата дорогой столичной клиники. У постели девушки сидит подруга.

Вика. Я говорила с доктором, пока не закончили обследование. Ника, может, он отвезет тебя в Европу или Израиль?

Ника. Нет, Вика, бессмысленно... Он оплачивает лечение здесь, за это спасибо, не надо меня никуда везти. Я устала.

В палату вошла молодая медсестра:

«Простите, у вас назначение, я должна поставить капельницу».

Пока медсестра проводила манипуляции, Вика, не отрываясь, смотрела на нее.

Вика (когда медик вышла). Почему она мне кажется такой знакомой?

Ника (слабым голосом). Селфи, посмотри все мои последние селфи. А сейчас иди, мне тяжело.

Вика. Я приду завтра.

Больная слабо улыбнулась в ответ.

Но на следующий день Вике сообщили, что подругу перевели в другую клинику, и больная настоятельно просила не сообщать никому координат. Она вообще исчезла: не звонила, не писала. Поговаривали, что видели женщину, похожую на Веронику, в каком-то эко-поселении. Только женщина была старше лет на двадцать...

Все, что осталось от их дружбы – подборка фото последних селфи. И на каждом из них одна и та же женщина, молодеющая от снимка к снимку. Теперь Вика точно знала, что молодая медсестра клиники и пожилая дама на Бруклинском мосту – одна и та же персона...

Заброшенное общежитие

Если бы не Пиксель, Яна ни за что не вышла бы так поздно. Огромный черный лабрадор с нелепой кличкой достался Яне от бывшего мужа вместе с перманентной тоской и буйством обострившихся страхов. Яна всегда была трусихой. Она боялась мышей, пауков, гнева начальника, мошенников, боялась темноты, хулиганов и новых знакомств. Когда-то она сильно боялась потерять Юрия, но этот страх растворился, сменившись другим, теперь ее пугало предательство.

Юрий ушел, оставив бывшей супруге маленькую квартирку без ремонта, огромного пса и разгулявшиеся комплексы. В его новой жизни с тюнингованной красавицей не было места даже Пикселю, который терпеливо ждал каждый вечер любимого хозяина. Удивительно, но тосковали они в разных углах, Яна так и не прониклась любовью к собаке. Она ухаживала, кормила, гуляла два раза в день, но по-прежнему относилась к Пикселю как к неизбежности.

В тот морозный вечер ей больше всего хотелось укутаться пледом и забыться, но пес терпеливо ждал в коридоре.

– Только быстро, договорились?

Пиксель смотрел терпеливо и понимающе.

В пустом дворе было гулко и стыло. Ледяной ветер бросал в лицо пригоршни колючих снежинок. Отяжелевшие от ледяных оков ветви старых деревьев обреченно скрипели под его порывами. Отпустив Пикселя с поводка, Яна прогуливалась по освещенному тротуару, стараясь не смотреть на расселенное здание бывшего общежития.

Аварийный дом пугал девушку. Она даже уговаривала Юрия отказаться от покупки квартиры, боясь, что двор заселят маргиналы, ночующие в подобных местах. Но муж только посмеивался над ее доводами. И оказался прав – в общежитии почему-то не селились бомжи, не устраивали посиделки молодые люди, туда не забирались играть дети. Но от этого черный монстр вызывал ужас, пожалуй, даже сильнее, чем прежде.

Показалось или на третьем этаже мелькнул огонек?

– Пиксель, Пиксик, – негромко позвала девушка.

Но лабрадор решил проявить характер. Яна вглядывалась в темные тени двора – собаки не было.

– Пиксик, где ты?

Огонек на третьем этаже заброшенного общежития вспыхнул вновь. Казалось, кто-то стоит у окна и подает сигналы зажженной свечкой. Яна почувствовала, что перехватывает дыхание. Она закричала громче:

– Пиксель, миленький, вернись.

Темное пятно, которое девушка приняла за сломленную ветку, вдруг зашевелилось и... завывало.

– Пиксик, хорошая собачка, пойдем домой, – она отступала к своему подъезду.

Собака, будто не слыша, подняла голову и огласила двор жуткими звуками. Это было странно, лабрадор редко лаял, а уж вой хозяйка слышала впервые. Яна остановилась, не решаясь подойти. Трясло так, что поводок выпал из рук. Решившись, девушка все же сделала шаг, потом еще и еще. Когда до собаки осталось несколько метров, лабрадор заскулил и пополз в открытую дверь.

– Куда, вернись, вернись, Пикс, – кричала в темноту разрушенного дома. Но собака упорно двигалась вглубь, девушка различала ее дыхание этажом выше. Сначала Яна хотела

вернуться домой за фонариком, но собака завизжала. Такие звуки издают только от сильной боли.

Девушка бросилась в черный зев дома. Ступени осыпались, но она упорно двигалась вверх. Странный запах забивал ноздри. Так пахло застоявшееся болото: тиной, многовековой гнилью. На площадке третьего этажа остановилась. Глаза, привыкшие в темноте, различали длинный коридор, заваленный обломками старой мебели, строительным мусором, частокол закрытых дверей и никакой собаки.

Пиксель молчал, но хозяйка чувствовала- он рядом. Она осторожно открывала двери, в комнатах было пусто, только кучи мусора. У одной из дверей девушка остановилась. Невыносимый смрад исходил отсюда, к запаху гнилого болота добавились миазмы тлена. Яна решительно потянула за ручку.

Пиксель молча сидел в самом центре комнаты, не отводя взгляда от девушки у окна. Яна успела заметить, что ноги незнакомки парят над полом, увидела голубоватый свет, исходящий от прозрачной фигурки и изящность фарфоровых рук, тянувшихся к ней, пока тьма не засосала ее в свою воронку.

Как же много белого, глаза больно от обилия света. Трубочки, система, запах хлорки и лекарств – как она оказалась в этой палате?

– Пиксель, – рванулась девушка.

– Не вставайте, вам нельзя, – у кровати появилась молодая медсестра. – Только очнулись и уже сбежать от нас хотите?

– Где Пиксель, где моя собака?

– Какая собака? Вас привез мужчина накануне вечером.

– Какой мужчина?

– Не знаю, вам лучше знать, – в голосе медработника слышалось кокетство.

Яна познакомилась с ним в тот же вечер, он пришел в ее палату с пакетом фруктов и букетом цветов.

– Вижу, вам лучше?

– Вы кто? – твердо и даже немного сердито спросила Яна, удивляясь этой своей твердости.

– Константин. А вас, красавица, как величать?

– Яна...

– Прекрасное имя. У вас чудесный пес, вы обязаны ему своим спасением.

– Где он? Где мой Пиксель?

– Пиксель, – засмеялся мужчина. Смех удивительно шел ему, озаряя мужественное лицо внутренним светом. – С его-то размерами...

– Где он?

– В автомобиле моем сидит, его сюда не пускают. Мы поладили, он у вас удивительно воспитанный.

– Но как...

– Как я нашел вас? Ставил машину во дворе, когда ко мне подбежал Пиксель. Лаял, скулил, тянул за брючину, пока не привел к заброшенному общежитию. Вы лежали без сознания, медики сказали, еще пару часов – вас бы не спасли от переохлаждения. Что вы там делали?

– Искала Пикселя.

Через неделю Константин и Пиксель встречали Яну у дверей клиники. Встречали, чтобы никогда уже не расставаться...

А к лету пугающее здание, наконец, снесли. Тогда Яна и услышала от соседок историю юной девушки, выбросившуюся из окна третьего этажа от несчастной любви.

Рисующий смерть

– Мы можем разработать индивидуальный дизайн гостиной. Наш художник учтет все ваши предпочтения, – девушка очень старалась не упустить клиента. – А вот, кстати, и он. Знакомьтесь, наш художник Кирилл.

Дмитрий не мог поверить – перед ним стоял Кирилл Седов, известный художник. Еще несколько лет назад его картины выставлялись на лучших площадках не только их города. Писать портрет у Седова было престижно, его работы закрепляли статус. Лучшие дома города встречали гостей портретами кисти Седова. За короткий срок художник сколотил неплохое состояние, его загородный дом превзошел даже дом губернатора. Ходили слухи о недвижимости в Италии и Черногории.

Но пару лет назад Седов неожиданно исчез. Кто-то говорил, что сбежал после скандальной истории, кто-то додумывал романтический флер. Известно лишь, что в один из дней портретист покинул свой особняк, предварительно позаботившись о его продаже. Не предупредил даже своих заказчиков, а их было очень много, очередь к Седову расписывали на год.

Картины перестали выставлять, хотя портреты так же висели в домах местного истеблишмента, но больше не приковывали к себе жадных взглядов.

И вот теперь в этом скромном сотруднике мебельного салона Дмитрий узнал выдающегося художника. У Седова весьма нетипичная внешность: тонкое лицо, высокий лоб, глубоко посаженные глаза какого-то редкого оттенка темного. Иногда казалось, что они черные, иногда принимали цвет шоколадной глазури, но в редкие моменты они вдруг искрили изумрудным гляncем. И еще одна деталь, исключая совпадения – родимое пятно странной формы на левой щеке. Именно это пятно и запомнил Дмитрий, впервые увидев художника на какой-то выставке. А еще низкий бархатный голос, вызывающий некий диссонанс с обликом художника.

– Здравствуйте, вы предпочитаете индивидуальный стиль, – его голос. Сомнений не осталось.

Разыгравшееся любопытство привело к дополнительным тратам, пришлось согласиться на авторский дизайн.

Кирилл приехал на дешевом автомобиле, а ведь некогда он демонстрировал свой роскошный парк при любом удобном случае, даже передача вышла на местном телевидении о коллекции дорогих авто.

Какое-то время осматривал гостиную, просил включить освещение, а потом достал альбом и стал быстро делать наброски. Дмитрий удивился, что работает дизайнер не в программе, а по-старинке, простым карандашом.

– Чай, кофе? – проявил гостеприимство хозяин.

– А... что? – оторвался от листа Кирилл. – Нет, спасибо. Воды, если можно.

– Разумеется.

– Вы ведь Седов, известный портретист, – решил Дмитрий, протягивая стакан.

Рука художника дрогнула. Он не ответил, лишь залпом выпил воду и вновь склонился над листом.

Закончив, открыл принесенный ноутбук и стал вводить параметры.

– Смотрите, я разработал черновой проект. У окна легкий, светлый, будто парящий шкафчик в классическом стиле. Разумеется, лучше «разбить» пространство. Предлагаю три зоны, площадь гостиной позволяет это сделать.

Кирилл еще много говорил, а хозяин демонстрировал заинтересованность. Даже черновой проект, вышедший из рук такого художника, был безупречен. Дмитрия мучило любопытство, и он думал вовсе не об интерьере гостиной, а о том, как «разговорить» гостя.

– Могу я попросить чай? – прервался художник.

- Черный, зеленый?
- На ваше усмотрение.
- Вижу ваше нетерпение, ну что ж, возможно, пора приоткрыть завесу тайны, тем более что меня скоро не будет.
- Как? Что вы говорите?
- Если желаете слышать правду, не перебивайте. У меня только одна просьба – подождите с обнародованием моего рассказа еще месяц. После моей кончины вы можете его опубликовать. Я верю в вашу порядочность.
- Разумеется...

Рассказ Седова

«Знаю, что вы редактор одного из СМИ, поэтому скорее верю в профессиональный интерес, нежели в участие. Некогда я был медийной персоной, вы правы. Тогда это было значимо, поэтому трезво оцениваю ваше любопытство. Но я настаиваю, история может быть обнародована только после моей смерти. Как видите, разные цели иногда приводят к единым результатам.

Вернемся к событиям почти пятилетней давности. В то время я был известен, богат, в очередь на портреты записывались загодя, в городе не осталось богатого дома, в котором не было бы моей работы. Да что там в городе, росла популярность и в столице, и даже за пределами страны, мой продюсер работал сразу над несколькими проектами. И именно в это время мне в руки попала та злосчастная книга...»

Художник замолчал, всматриваясь в густеющие сумерки за окном. Хозяин не перебивал, терпеливо ждал, когда Седов соберется с силами.

«Знаете ли вы о мистическом шлейфе, который сопровождает некоторые полотна? – продолжил он, наконец. – Одна из самых известных – история Марии Лопухиной. Известный портрет девушки знатного рода был написан художником Боровиковским, когда Маше было всего восемнадцать лет. Жить ей оставалось шесть лет, прекрасная девушка умерла от чахотки. Поползли слухи, множимые газетчиками, что художник «сглазил» свою модель. Молодые дворянки боялись даже смотреть на полотно, считая, что проклятие может перейти даже через созерцание портрета.

Боровиковскому припомнили и другие смерти. Екатерина II умерла через два года после написания ее портрета, который, кстати, императрице не понравился. Княгиня Анна Гагарина скончалась в возрасте двадцати семи лет, через четыре года после написания ее образа. Но ведь другие персоны после их изображения Боровиковским жили довольно долго!

Многие знают о дурной славе портретов кисти Репина: Пирогов, Мусоргский, Писемский, совсем уже мистическая история портрета Столыпина. Репин и сам боялся писать его писать.

Я слышал, разумеется, все эти легенды, но относился к ним как к удачному пиару того времени. И тут эта книга...

Принес ее один мой приятель, раскопал где-то на букинистических развалах. Не знаю почему, но это древнее издание неожиданно увлекло меня. Там я и нашел этот злосчастный ритуал. Описывать его, разумеется, не буду, скажу только, что для его проведения потребовалась кровь, моя кровь. Я смешал ее с красками, и первый портрет написал именно такой краской...

Ольга К. умерла ровно через сорок дней после того, как ее портрет был закончен. Неожиданная смерть, девушка попала в ДТП. За эти сорок дней я успел закончить еще две работы, заразив заказчиков смертью.

С тех пор портретов я не писал. Оставил все свое имущество на доверенное лицо и уехал. Почти два года в аскезе, в одиночестве, в осмыслении. Мы часто уповаем на талант, не задумываясь, что за силы стоят за ним. Все мое творчество до этой проклятой книги уже несло вирус разрушения. Я перестал замечать прекрасное, алчность погрузила во тьму. Воспевал, что должен ругать, вместо внутреннего света писал дешевый глянец...

Я мог бы остаться в том тихом месте и спокойно доживать век, но в один момент вдруг почувствовал, что прощение в изоляции стоит меньше, чем в искушающем мире. Когда вернулся, узнал, что ограблен, теперь владею всего лишь маленькой квартиркой на окраине, доставшейся мне еще от бабушки.

Я даже обрадовался этому, меня просто избавили еще от одного искушения. Но надо было искать работу, так я и оказался в этом салоне.

Совсем недавно понял, я должен принести последнюю жертву – написать автопортрет, это было прощение. Так что молчать вам осталось недолго. Понимаю, история выглядит фантастично, поэтому я записал свою исповедь, она попадет к вам в руки после моего ухода».

Художник устало откинулся на спинку стула. Теперь Дмитрий видел, что его гость очень устал или уже носит в себе смертельную болезнь. Рассказ, разумеется, способен взорвать медийное пространство, если художник пришлет документальное подтверждение, то проблем не возникнет. Но странное чувство не покидало Дмитрия, ему внезапно захотелось бросить все: бои тщеславия, комфорт лжи, бросить и уехать в свое тихое место.

Художник умер через восемнадцать дней. В день его смерти редактор Дмитрий получил обещанную запись. Вскоре вышла статья, и город заполнили слухи...

Хутор

Собираясь в очередной раз на промысел, приятели вряд ли могли предположить, что столкнутся с ужасом, который перевернет их судьбы.

Разбитый асфальт сменился заросшей грунтовкой.

– А там точно что-то есть? – протянул Леха, подпрыгивая на очередном ухабе.

– Должно быть, – спокойно ответил Колька, объезжая яму и ловко уворачиваясь от куста, вылезшего прямо на дорогу.

Леха больше вопросов не задавал, приятель лишних вопросов не жалуется. Да и побаивался он Кольку, никогда не знаешь, что он выкинуть может. В одной из деревень зачем-то избу поджег, хорошо хоть ливень затушил. А месяц назад вообще собаку повесил, что она делала в безлюдном месте?

Побаивался Леха, но держался Кольки, с ним весело, бесшабашно, с ним кажется – все в их руках. А без него только вечно ворчащая бабка, умирающая деревня и отец где-то за тысячу километров. Отец, который и звонит-то раз в несколько месяцев и всегда обещает забрать сына к себе, «на заработки». Надоело все, уехать бы в большой город, найти работу, снять квартиру, накопить денег и обязательно уедет. Колька вряд ли поедет, мамашу и папашу не бросит – он единственный добытчик в семье. Родители с него каждый день еще и на выпивку требуют.

– Похоже, дальше пешком, – Колька остановил разбитую девятку.

Леха вылез из машины и сразу провалился в чавкающую жижу.

– Что за...

– А я говорил, чтобы сапоги с собой брал, первый раз что ли, – сам переобулся, старые кроссовки бережно упаковал в пакет. – Пошли что ли.

– Откуда знаешь, что там дома?

– А ты, действительно, дурак. Видишь, даже столбы кое-какие сохранились, – махнул молодой человек в сторону заросшего поля. Действительно, на горизонте виднелись черные столбы. Провода давно уже сняли другие охотники за металлом. Дорога становилась уже, природа брала свое, и в пролесок она нырнула еле заметной тропкой. А среди деревьев и вовсе терялась, скрывалась за зарослями кустарника, а потом неожиданно вновь появлялась рыжеватой полосой.

Идти стало труднее, ветки цеплялись за одежду, били по лицу.

«Если порву куртку, бабка орать будет. И без того с утра до ночи пилит, что живу на ее пенсию», – думал Леха, уклоняясь от очередной коряги, угрожающе висевшей над дорожкой.

Вскоре тропинке надоела эта игра в прятки, и лес стал непроходимым.

– Может ну этот хутор, – тихо сказал Леха.

Колька обернулся:

– Как это ну? Зря бензин жгли? Дай воды.

– Я, похоже, сумку в машине оставил. – За сумку с водой и перекусом отвечал Леха, и сейчас ему было стыдно перед Колькой. Он и сам хотел пить, но молчал, оттягивая неприятный момент.

– Раззява, – беззлобно бросил приятель и пошел дальше.

Леха достал телефон, но экран пугал чернотой. Он попробовал перезагрузить – тщетно.

– Что за... Коль, сколько времени, у меня, похоже, мобила сдохла. Странно, только утром с зарядки снял.

Колька похлопал себя по карманам, оказалось, он забыл свой телефон в машине.

– Весело. Слушай, давай вернемся, машину твою бросили без присмотра. – Леха знал, что упоминание о машине может стать решающим аргументом. Машина была гордостью Николая, он целое лето «копал железо», чтобы купить с рук разбитую девятку. Потом своими руками восстанавливал ее по винтику.

– Давай так, мы идем где-то часа два, еще пару часов ищем и если и следа не найдем, повернем обратно. Мне до ночи вернуться надо, мои голодные сидят.

Повалившиеся кресты заметил Леха, уворачивался от очередной ветки и заметил в просвете между кустами заросшую поляну. Поляна оказалась старым кладбищем, молодые люди насчитали семь черных, сгнивших крестов, нелепыми фигурами распластавшимися над могилами.

– Рядом хутор, – деловито бросил Колька, а потом вдруг добавил:

– А слабо могилы вскрывать?

– С ума сошел, это без меня, пожалуйста.

Лес неожиданно расступился, и перед приятелями открылся хутор: несколько почерневших домов, постройки и даже заборы, все это выглядело обжитым. Только заросли бурьяна на подступах выдавали заброшенность. И ни одной заметной тропки, даже примятой травы. Они насчитали четыре дома, четыре подворья.

– Как-то стремно, Коль, что-то не то здесь. Ты видел, чтобы дома такие целые оставались. Сколько хутор без людей?

– А вот это мы сейчас посмотрим, – Николай рывком дернул тяжелую, дубовую дверь. Она легко открылась.

– Даже не разбухла и не рассохлась, – прошептал Леха, но шагнул за другом в темноту сеней.

В этом доме все было не так, никакого сходства с тем, что когда-либо видели. Не было мусора, раскиданного по полу, мебели, грязных куч из старой одежды, бумажного хлама. Все на своих местах: полки с посудой в ряд, огромный стол с потемневшей некрашеной столешницей, даже занавески на окнах темные от пыли и железная кровать под лоскутным покрывалом.

– Добра-то, – выдохнул Леха. – Похоже, до нас здесь не промышляли. Смотри, тут, похоже, и электричества не было. А как же столбы?

– Похоже, шут его знает, – Николай выглядел растерянным. Ходил по комнате, не решаясь прикоснуться к чему-либо. – Стремное место, вещи будто из древних времен. Посмотри, никакой современной мебели, газет, книг, журналов. А посуда, из таких мисок щи еще до революции хлебали, чугунки, ухваты... Ладно, на себе много чермета не дотащим, идти километров пятнадцать, давай поищем ценное. Из ценного нашли несколько серебряных ложек и оклад на темной иконе. Колька сорвал икону со стены, Леха приготовил уже пакет, но приятель недобро блеснул глазами и ударил прямо в лик, выбивая изображение.

– Что ты делаешь, придурок, – крикнул Леха. Но его голос утонул в гуле, который зазвучал, казалось, от стен, потолка, пола, звук набирал силу, и от него закладывало уши, а голова наливалась невозможной болью. Приятели бросились на улицу, на воздухе стало немного легче. Гул не смолкал, стал лишь тише.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.